

УДК 316.33

Стратегии и практики социального контроля: ретрокомпаративный анализ**Комлев Ю.Ю.**

Доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

В статье раскрываются генезис и основные положения консервативной, либеральной, компромиссной стратегий социального контроля и соответствующих им практик. Показано влияние либеральных идей в обосновании приоритета превенции над репрессией, в декриминализации законодательства, в совершенствовании институтов социального контроля.

Ключевые слова: социальный контроль, девиантное поведение, ретрокомпаративный анализ, либеральная, консервативная и компромиссная стратегии контроля.

Анализ формирования стратегий и практик социального контроля логично осуществить в исторической ретроспективе [1]. В социологии девиантного поведения временные периоды, в ходе которых состоялся генезис теоретических моделей и практик социального контроля, выделяют в зависимости от типа общества и уровня развития социальной структуры. Причем трансформация социального контроля наиболее полно отражается в истории криминального наказания.

На первом историческом этапе в эпоху феодализма господствовали религиозные институты и теологическое мышление, а девиантность интерпретировалась церковью как грех, зло или ересь. Реализуя духовную, а нередко и светскую власть, церковь была первым институализированным «практиком» социального контроля. Социальный контроль отражал необходимость искупления греха и уничтожения зла, часто включал епитимью и телесные наказания [2, р. 375]. В случаях, не затрагивающих религию, основным средством сдерживания служил страх мести со стороны жертв или их родственников. До конца средних веков большая часть девиантности «обрабатывалась» неформально в семьях и деревнях. Тюремь не предназначались для наказания. Когда феодальными властями применялись санкции, то они носили в большинстве случаев характер телесных наказаний. Для бедных часто применялась смертная казнь, а богатые платили штрафы.

По мере преодоления феодальной раздробленности и возникновения национальных государств с более развитой структурой общества правительства брали на себя все большие обязательства по наказанию за преступления. При этом наказания продолжали оставаться крайне жестокими. Даже на протяжении XVIII века осужденные за преступления могли быть повешены, обезглавлены, лишены какой-либо части тела (пальцев, руки, языка, уха и т.д.), подвергнуты клеймению или публичному бесчестью на позорном столбе. Наказание «фокусировалось на теле осужденного» и имело публичный характер. Социальный контроль подразумевал демонстрацию кары, минимальное вовлечение в этот процесс институтов государства и полное отсутствие любых экспертов из области пенологии.

В дальнейшем, с точки зрения М. Фуко, государство все больше берет на себя функцию социального контроля, например, заключает безумных в работные дома [3]. При этом безвредные безумцы отчасти сохраняли свободу и могли покидать эти места обособления. За решеткой вместе с преступниками оставалась небольшая часть умалишенных, которых считали опасными для общества. Такое смешение всех «отбросов» раннебуржуазного общества вызывало к концу XVIII в. растущую кри-

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00172 а.

тику философов-просветителей. В начале XIX века в Европе повсюду стоял вопрос: что делать с психическими больными. Вопрос этот задавался в связи с правами человека, каковыми обладают и больные люди. Число психических больных было невелико в сравнении с нищими, но вопрос о душевнобольных звучал в первой половине XIX века куда острее, чем вопрос о бедности и социальном неравенстве. Начало второго этапа трансформации социального контроля относится к середине XIX века. Он связывается с развитием таких крупномасштабных институтов, как тюремная система и психиатрические больницы. В этот период ситуация с наказанием преступников изменилась и контроль переместился с эшафотов и площадей в учреждения, контролируемые экспертами в области тюремного заключения и психиатрии.

Капитализм бурно развивается в пору промышленной революции и индустриализации. В буржуазном обществе возникают новые и дифференцируются старые социальные институты. При этом доминируют политические и экономические структуры, а «управление» девиантностью возлагается на специалистов. Государственные учреждения стали принимать еще более активное участие в осуществлении формального социального контроля. Причиной стало то, что правительства взяли на себя полную ответственность за обеспечение общественной безопасности и благосостояния. Криминологи, медики, психиатры и помогающие им профессионалы (социальные работники, пробационные инспекторы) стали чаще участвовать в подготовке и принятии судебных решений. Методики и практики социального контроля в целом были направлены на то, чтобы «вылечить» носителей девиантного поведения [2, p. 375-376].

С. Коэн характеризует эти перемены следующим образом: растущее участие государства в формировании и управлении бюрократическими институтами, предназначенными для наказания, содержания и «излечения» девиантов; влияние профессиональных экспертов, которые концентрируются на дифференциации и классификации девиантных и зависимых от них групп в соответствии с определенными критериями; изоляция девиантов в специальных заведениях; уменьшение наказания, содержащего демонстрацию физического насилия [4].

В индустриальном обществе подходы к выбору стратегии и практик социального контроля строятся на веберовской идее рационализации. Они направлены на достижение через наказание целей дисциплины и производительности. Бюрократические, изолирующие институты социального контроля (полиция, пенитенциарная система, психиатрические учреждения и др.) получили в работах И. Гофмана название «тотальных институтов» [5]. До 1960-х годов эти тотальные институты и контролирующая

роль, которую они играют в индустриальном обществе, в целом оставались неизменными.

Под влиянием утилитарных идей сдерживания устрашения (И. Бентам, Ч. Беккариа), в результате отбора и аккумуляции репрессивных практик сформировалась и утвердилась консервативная стратегия контроля.

Социальная и юридическая практика перепробовала различные варианты репрессий, включая самые изощренные виды смертной казни (четвертование, повешение, расстрел, «электрический стул») и различные сроки лишения свободы. Однако ни преступность, ни иные формы девиантного поведения (наркотизм, проституция и др.) так и не исчезли. Более того, в большинстве стран Запада после Второй мировой войны наблюдался постоянный рост уровня зарегистрированной преступности, несмотря на принятие иногда крайне жестких, репрессивных мер. Не снижалась и рецидивная преступность. Длительные сроки лишения свободы вели к росту «тюремного населения», к необратимым изменениям психики заключенных, а сами тюрьмы выступали школами девиантной социализации.

В США, к примеру, начиная с 1960 года, проблема борьбы с преступностью стала главным вопросом политики на общенациональном уровне. В этот период не прекращается драматический рост уровня индексных преступлений представителей низшего класса, и конгрессмены, разделявшие консервативную стратегию социального контроля, которую обычно выражает метафора «закон и порядок», активно артикулировали эту тему [6, p. 524-552]. В 1965 году была создана президентская Комиссия по правоохранительной деятельности и управлению юстицией.

Для уменьшения преступности в Америке комиссия, не затрагивая ее социальные детерминанты, рекомендовала поддержать на уровне государства ряд направлений антикриминальной деятельности: планирование; обучение персонала полиции; инспектирование и контрольные службы, отвечающие за организацию работы органов уголовной юстиции; развитие государственных информационных систем; научное и техническое исследование и развитие; выделение государственных дотаций на полицейскую деятельность и др. Реализация этих предложений должна была модернизировать систему уголовной юстиции, но принятые правительством меры не изменили к лучшему криминальную ситуацию в стране.

Когда в начале 70-х годов начался новый рост преступности, Р. Никсон снова объявил войну криминалитету и существенно увеличил финансовую поддержку правоохранительной системы. Как свидетельствует Дж. Конклин, бюджет администрации на поддержку уголовной юстиции и полицейских мер контроля увеличился с 63 млн. долларов в

1968 году до 880 млн. долларов в 1975 году. В целом до 1981 года на правоохранительные цели было потрачено 7,7 млрд. долларов [6, р. 528]. Однако перемены в методах деятельности полиции (усиление патрулирования, увеличение образовательных программ для полицейских и др.) не позволили снизить преступность. Администрация США была обвинена в расточительности и отсутствии положительных результатов.

По итогам 1970-х годов стали совершенно очевидны бесплодность и чрезмерные издержки стратегии «закон и порядок» и соответствующих ей практик формального социального контроля (криминализация девиантных актов, селективность правоприменения, увеличение сроков наказания, реабилитация, использование смертной казни и др.). Криминологи стали говорить о «кризисе наказания». Жесткой критике был подвергнут «карательный вэлферизм» как система социальных институтов контроля, сложившаяся в рамках консервативной стратегии «закон и порядок», которая формировала сознание нескольких поколений политиков, ученых и практиков [7, р. 3].

Крах карательной стратегии был особенно очевиден в свете увеличения расходов на содержание силовых структур при существенном снижении налогов, росте безработицы и инфляции. Высокий уровень преступности стал нормой. Эта ситуация была характерна не только для США, но и других европейских стран, переживавших этап индустриальной модернизации. Перспектива бюджетного дефицита, в конечном счете, вынудила власти уменьшить расходы на социальный контроль и сферу социальных услуг. Тем не менее в период «рейганомии» внимание политиков было снова сфокусировано на системе уголовной юстиции, которая продолжала назначать наказания, основанные на идеях сдерживания/устрашения.

Полицейские аппараты с большим или меньшим успехом вели борьбу лишь с «уличной преступностью», тогда как огромный пласт «беловоротничковой», «респектабельной» преступности оставался вне досягаемости формального социального контроля. По мнению Д. Гарланда, бюрократический ответ государства был не способен что-либо сделать с хронически высоким уровнем преступности в обществе [7]. Вместо того, чтобы радоваться маленьким каждодневным победам над преступностью, государство через пропаганду и реализацию сурового уголовного законодательства все громче заявляло о своей суверенной власти, оказавшейся в этом отношении лишь символической. К примеру, в 1980-х годах многие штаты США предприняли попытки ужесточить уголовное наказание, повысить минимальный срок заключения, возродить смертную казнь, а также идею о том, что наказание производится во благо самого же наказуемого. Этот

период характеризовался расцветом правозащитных движений, обращавших внимание на изоляцию и клеймение преступников, реальных или воображаемых. Изоляция достигалась вынесением длительных сроков заключения по известной системе «три удара». Так, в частности, стигматизации правонарушителей и соответственно росту рецидивной преступности способствовал специальный закон о лицах, совершивших половые преступления.

Дальнейший ход событий на рубеже и в начале XXI века показал, что в развитых странах Запада из-за бюджетного дефицита стали сворачиваться программы поддержки благосостояния, борьбы с бедностью. В итоге упрочилась социальная база преступности и других проявлений негативной девиантности*. Тем не менее в этот период, наряду с модернизацией правоохранительной деятельности (по вопросам пресечения преступности, назначения и исполнения наказаний, реабилитации), развиваются и превентивные практики формального социального контроля. Основные направления превенции состоят: в управлении социальной средой, связанной с преступностью; в уменьшении возможностей для совершения преступлений; в увеличении риска уголовной ответственности для широкого круга преступников; в укреплении «объектов преступного посягательства» (target hardening), в развитии мер самозащиты, в организации информационного социального контроля, в использовании возможностей местного предупреждения преступности. Однако и эти меры оказываются недостаточными, чтобы остановить криминальный бум.

Как видим, консервативная стратегия и соответствующие ей практики социального контроля фокусируют внимание, прежде всего, на противодействии индексным преступлениям, которые совершают в основном представители низшего класса: бедные люди или индивиды с дефектами социализации. Этот подход концентрирует внимание на расширении сферы правового регулирования в области контроля девиантности, на модернизации системы уголовной юстиции и правоохранительной деятельности, на преследовании, наказании и реабилитации преступников, но не устраняет ее социальных причин: бедности, дезорганизации института семьи и др. Кроме того, модель «закон и порядок» недооценивает роль неформального социального контроля.

* Эти изменения, например, в США нашли выражение в снижении финансирования специальных программ социальной поддержки малоимущих, так называемый велфэр (от англ. welfare – «благосостояние»). В 1990 году в США получателями велфэра были 4 млн. семей. В 2000 году количество получателей велфэра снизилось до 2 млн. семей. Затем, как известно, в 2000-х годах в США сначала разразился кризис потребительского и ипотечного кредитования, начиная с 2007 года – глобальный финансовый кризис [см.: 8, с. 132-140].

В работах П. Сорокина, У. Бондесона, В. Чемблисса, Ф. Макклитока, Х. Пепински, Р. Мартинсона, Р. Куинни, Я. Гилинского, А. Салагаева, Ю. Комлева и многих других зарубежных и отечественных исследователей показана неэффективность консервативной политики карательных санкций в борьбе с преступностью и девиантностью представителей низшего класса. Реформы в системе уголовной юстиции 60-х – 80-х годов в США и странах Западной Европы не затрагивали политико-экономических основ классового общества. Кризис уголовного наказания во многом девальвировал значение консервативной стратегии, привел к острой критике модели «закон и порядок», прежде всего со стороны девиантологов либеральной ориентации и девиантологов-неомарксистов. Так, сторонники радикальной криминологии источником роста преступности считали и считают порочность капиталистической системы. В частности, Р. Куинни в 1975-1980 годы выделяет «преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капитализма; «преступность сопротивления» – бессознательную реакцию против эксплуатации; «преступность доминирования и подавления», которая характерна для «белых воротничков» и правящего класса.

Согласно радикальным взглядам, только ликвидация капитализма может решить проблему преступности, поскольку вся система формального социального контроля, уголовное законодательство и правоприменение в современном рыночном обществе – инструменты эксплуатации угнетенных социальных классов, рассчитанные на обеспечение господства капиталистов. Противозаконное поведение власть придержащих редко пресекается селективным правосудием в западных странах. Этот феномен во многом характерен и для современной модернизирующейся России. Уголовное преследование за преступления нередко в большей мере распространяется на представителей низшего класса, люмпенизированные слои общества, которые не могут защитить себя и «отмазаться» деньгами или коррупционными связями.

С переходом к третьему этапу – периоду постиндустриального развития и постмодерна – в западных обществах усилилось движение «деинституциализации», направленное на «возвращение» социального контроля в общество. Либеральная идеология этого движения требовала деbüroкратизации, децентрализации институтов контроля, декриминализации законодательства; развития инициатив самопомощи и ликвидации клеймения [4]. Реальность этого направления лучше иллюстрируется значительным сокращением за последние тридцать лет количества учреждений для умственно отсталых. Причин для «незаклечения» их в тюрьму множество. С. Коэн и

А. Скал приводят целый спектр таких факторов: неудачи «лечебной» модели; выводы теории ярлыков о социальной политике невмешательства (гипертрофированный социальный контроль ведет к стигматизации, девиантному поведению или усиливает его); необходимость освобождения правительств от чрезмерных финансовых затрат на содержание полицейских структур и т.п. [9, р. 339-363; 10].

Уменьшение или ликвидация функций социального контроля, таких, как опека и надзор за больными пациентами, привели к деинституциализации и появлению новых общественных движений, выступающих за заботу о психическом здоровье. Этот подход большей частью основывался на применении последних достижений в медицине, особенно в связи с производством препаратов для пациентов психиатрических лечебниц. Новые модели контроля все больше полагались на добровольные методы терапии. Наряду с постепенным отказом от принудительного лечения, стали все более активно внедряться такие приемы контроля преступности, как патрулирование территории местными жителями с целью предотвратить проявления девиантности и другие нерепрессивные методики надзора [2, р. 19].

В постиндустриальную эру на Западе произошел существенный рост социальной ориентации институтов контроля, связанный с модернизацией правоохранительных органов, с привлечением негосударственного сектора, организацией общественных движений самопомощи. В политических решениях были заявлены четкие ориентиры по борьбе с бедностью, дискриминацией, по укреплению институтов семьи и образования, территориальных сообществ, организации самопомощи. По оценке Н. Девиса и Б. Андерсона, в эту новую реальность социального контроля, последовавшую за старой принудительной и авторитарной системой «тотальных институтов», входят управляемые профессионалами общественные организации, направленные на социальную работу с девиантами, и нормативно-ориентированные организации самопомощи (например, организация анонимных наркоманов и алкоголиков) [11].

Влияние либерального дискурса сказалось на разработке компромиссных или смешанных, а также рестриктивных (ограничительных) моделей социального контроля в западных странах. Государственные структуры развитых демократий лишь частично отказались от некоторых своих функций по осуществлению социального контроля. При этом часть оставшихся в правительственной юрисдикции функций были обоснованно усилены. Это относится, прежде всего, к тюремному заключению. Новые практики в осуществлении формального социального контроля показали двоякую картину: угроза тюремного заключения для преступников-рецидивистов остается серьезной и даже получает большее применение. С другой стороны, менее угрожающие

обществу и потенциально исправимые девианты имеют реальные и существенно возросшие шансы получить профессиональную, психологическую и терапевтическую помощь.

Среди наиболее общих характеристик состояния социального контроля в период постиндустриального развития и постмодерна в западных странах специалисты выделяют следующие:

- снижение или прекращение бюджетного финансирования программ поддержки умственно отсталых, бедных, пожилых и других «несамостоятельных» групп населения и растущая тенденция оставлять их доживать свои дни на улицах;

- рост использования медицинских препаратов, например, психотропных веществ, для контроля поведения бывших пациентов психиатрических клиник;

- вторжение новых методик надзора (установка видеокамер, «жучков», внедрение «агентов», тестирование на употребление наркотиков) в повседневную жизнь и рост соответствующей сферы промышленности;

- широкое распространение подразделений безопасности в бизнесе для охраны корпоративной собственности;

- опора на негосударственные, частные и индивидуальные стратегии и структуры контроля, такие, как местные группы наблюдения, патрули местных жителей, вспомогательная полиция, антинаркотические организации, финансируемые частным капиталом, и т.д.;

- возврат к исключению смертной казни [1, с. 83-84].

В обществе постмодерна, наряду с практиками, направленными на реализацию права государства наказывать и «исключать» преступников – опасных «чужих других», формируются и новые направления контроля, представляющие собой сложную комбинацию стратегий обнаружения, рестрикции и управления криминальными рисками [12, р. 185]. Так, в рамках «новой пенологии» (М. Фили, Д. Саймон) предлагается в меньшей степени поднимать вопросы ответственности, вины, вмешательства в девиантную активность на индивидуальном уровне, но при этом существенная роль отводится методикам идентификации, классификации и управления группами, выделяемыми по признаку криминальной опасности. По существу, новая пенология предлагает стратегию регулирования уровня девиаций, а не прерывания девиантной активности отдельных индивидов [13, р. 449-452]. Контроль нацелен не на то, чтобы нормализовать поведение и изменить мотивацию людей с криминальным прошлым, используя традиционные пенитенциарные институты, а на то, чтобы модифицировать социальные структуры, в которых осуществляется деятельность индивида.

В новейших практиках контроля в той или иной форме происходит сдвиг в сторону структурно-средового противодействия группам криминального риска, обоснованную либеральными теоретиками. Т. Дамм называет этот сдвиг переходом от «надзора» к «слежению», или мониторингу [14, р. 186]. Цель слежения менее амбициозна, чем цель наказания с последующей реабилитацией. Однако она в современных условиях позволяет практически и гарантированно «принимать ответные меры против агрессии в защищаемых зонах» [14, р. 186]. В «обществе контроля», как назвал его Жиль Делез, речь больше идет не об «аресте и возвращении преступника к нормальной жизни» после совершения им преступления, а об осуществлении слежения за действиями индивидов, представляющих опасность, что позволяет принимать упреждающие меры [15].

В качестве единственно возможной альтернативы карательным мерам либеральными теоретиками контроля обосновываются меры превенции, например, в русле общественного исправления (community correction). Так, участники Чикагской ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) определили две базовые теоретические модели политики в области «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий [16, с. 12]. Кроме того, предлагается развивать альтернативные меры наказания и восстановление прав потерпевших. В качестве одной из мер рекомендуется перейти от юстиции «возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice) [16, с. 9].

Обобщая различные варианты превенции негативной девиантности и криминального поведения, накопленные мировым сообществом, специалисты либеральной ориентации выделяют следующие стратегические направления: [16, с. 12].

А) Уровень общесоциальной профилактики (primary prevention):

1. Меры сокращения бедности и безработицы, улучшения условий жизни.

2. Программы поддержки семьи и детей.

3. Осуществление с использованием массовых коммуникаций информационного социального контроля.

Б) Уровень специальной профилактики (secondary prevention):

1. Программы ресоциализации и реабилитации наркоманов, алкоголиков, бывших заключенных.

2. Программы соседской взаимопомощи.

3. Программы реорганизации пенитенциарной системы и сокращения численности ее обитателей.

4. Повышение «техники безопасности» (освещенность улиц, охранные системы, патрули, индивидуальные средства защиты).

В) Уровень индивидуальной профилактики (tertiary prevention):

1. Работа с конкретными людьми.

Либеральная идея приоритета превенции, по сравнению с наказанием, получает сегодня все более мощную поддержку в государственных институтах развитых зарубежных стран – последовательно осуществляются либерализация уголовной политики и декриминализация уголовного законодательства. По оценкам большинства англоязычных девиантологов, «в данный момент происходит существенное изменение карательной системы» [17, р. 127]. Так, например, статья № 3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол № 6 к этому соглашению отменяет смертную казнь. Национальная комиссия США по уголовной юстиции даже предложила «изменить повестку дня для уголовной политики и перейти от “войны” к “миру” с преступностью». В антинаркотической деятельности ряда европейских стран (Голландия, Швейцария и др.) широко используются либеральные стратегии «уменьшения вреда» – «harm reduction», вместо репрессивной «войны с наркотиками» – «war on drugs». Значительно реже европейские суды стали прибегать к решениям о лишении свободы. В Швеции, например, доля таких приговоров уже в 1987 году составляла 20 %, в Англии – 21 % [1, с. 87-89].

С. Уолкер, анализируя пути реформирования правовой системы, выделил семь наиболее важных областей, где в определенной степени необходима декриминализация: пребывание в общественном месте в состоянии опьянения как обстоятельство, имеющее значение для уголовной ответственности (drunkenness); наркотики и злоупотребление наркотиками (narcotics and drug abuse); игромания (gambling); поведение, нарушающее общественный порядок, и бродяжничество (disorderly conduct and vagrancy); криминальные аборт (criminal abortion); сексуальное поведение – адюльтер, незаконное сожителство, многоженство, проституция, изнасилование, порнография, криминальная непристойность, гомосексуализм (sexual behavior); преступность несовершеннолетних (juvenile delinquency) [18, р. 591].

Принятие в 1991 году Концепции судебной реформы было началом демократического этапа развития правовой системы и правосудия в России. В ней был четко зафиксирован отказ от репрессивного характера правосудия: в качестве цели судопроизводства была провозглашена охрана прав, свобод и законных интересов граждан. В постсоветской России был введен мораторий на применение смертной казни. В 1996 году страна присоединилась к Европейской конвенции по правам человека.

Перспективы декриминализации социально опасных деяний все чаще обсуждаются и в российской научной печати. Действительно, неопасные для общества и граждан противоправные деяния

из уголовно-правовых могут быть переведены законодателем в разряд административно-правовых. По мнению Я.И. Гилинского, репрессивные (уголовно-правовые) меры социального контроля неэффективны в принципе, тем более, когда речь идет о «преступлениях без жертв». Девиантолог обращает внимание не только на необходимость декриминализации ряда уголовно наказуемых деяний, но и на такие актуальные для России практики контроля, как: сокращение «тюремного населения», улучшение «техники безопасности» [16]. В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов выявили позитивный эффект депенализации законодателем в 2003 году многих статей УК РФ, состоящей в замене санкций в виде лишения свободы на штрафные санкции или кратковременный арест» [16, с. 103-107]. Проблематику декриминализации активно разрабатывает и ряд других отечественных исследователей [1, с. 90]. Весьма ценным для отечественной теории контроля и социальной практики в либеральных программах представляется то, что власти западных стран все чаще отдают приоритет профилактическим мерам по элиминации социальных причин преступности и других проявлений негативной девиантности. Они финансируют и широко внедряют меры по борьбе с бедностью, безработицей; реализуют образовательные программы и решения по обеспечению бывших преступников работой.

Таким образом, ретрокомпаративный анализ позволяет проследить генезис консервативной, либеральной, компромиссных стратегий и практик контроля, оценить их сильные и слабые стороны. В зарубежной теории и практике социального контроля под влиянием девиантологических исследований состоялась существенная коррекция традиционной модели «закон и порядок», усилилась социальная ориентация организаций и институтов, обеспечивающих правопорядок. Новые смешанные модели контроля успешно сочетают как консервативные, так и либеральные императивы, используют различные меры воздействия на девиантность и делинквентность: от наказания, реабилитации и перевоспитания преступников, реинтеграции их в общество до анализа и устранения социальных причин девиантности, использования методик слежения и контроля за средовыми факторами, позволяющими минимизировать криминальные риски.

Практические меры по дебиюкратизации институтов и организаций социального контроля в России, оптимизации их нормативной базы и организационной структуры, а также численности персонала, декриминализации законодательства чрезвычайно важны для обеспечения социального порядка в стране на качественно ином уровне, а значит, и для успеха модернизации общества. При поиске и обосновании таких решений следует широко опираться не только на конструктивный отечественный, но и

на зарубежный опыт в области социального контроля. Кажется, на этом пути Президентом России и принимаются решительные меры по реформированию МВД, пенитенциарной системы и других институтов социального контроля.

Литература:

1. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. – 154 с.
2. Little C.B. Deviance and control: Theory, research, and social policy. – Itasca: Peacock Publishers, 1995. – 163 p.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.
4. Cohen S. Visions of social control: Crime, Punishment and Classification. – Cambridge: Polity Press, 1985. – 336 p.
5. Gofman E. Asylums. – N.Y.: Anchor Book, 1961. – 384 p.
6. Conklin J. Criminology. 4 th ed. – N.Y, 1992. – 352 p.
7. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. – Chicago: University of Chicago Press, 2001. – 307 p.
8. Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. – 235 с.
9. Cohen S. The punitive city: Notes on the Dispersal of social control // Contemporary crises. – 1979. – № 3.
10. Scull A.T. Decarceration: Community treatment and the deviant, A radical view. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977.
11. Davis N.J., Anderson B. Social control: The production of deviance in the modern state. – N.Y.; Irvington, 1983.
12. Rose W. Crimes of color: risk, profiling, and the contemporary racialization of social control // International Journal of politics, culture, and society. – 2002. – Vol. 16. – № 2.
13. Feeley M. The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications // Criminology. – 1992. – № 30.
14. Dumm T. The New Enclosures: Racism in the Normalized Community / Reading Rodney King, Reading Urban Uprisings / ed. R. Gooding-Williams. – New York: Routledge, 1993.
15. Deleuze G. Postscript on Control Societies / Negotiations, 1972-1995. – N.Y.: Columbia University Press, 1995.
16. Гилинский Я.И. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы. – СПб.: С.-Петербургский филиал Института социологии РАН, Балтийский институт экологии, политики и права, 1998.
17. Pratt J. The Return of the Wheelbarrow Men or, the Arrival of Postmodern Penalty // British Journal of Criminology. – 2000. – № 40.
18. Walker S. Reform the Law: decriminalization // Delos H. Kelly Deviant Behavior. – N.Y.: St. Martin's Press, 1996.
19. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 103-107.

Strategies and practices of social control: retrocomparative analysis

Y. Komlev

The Kazan Legal Institute MIA of Russia

Genesis and main provisions of conservative, liberal, compromise strategies of social control and corresponding practices are examined in the article. The influences of liberal ideas on priority of prevention rather than repression, decriminalization of legislation, improvement of social control institutes are shown.

Key words: the social control, retrocomparative analysis, liberal, conservative and compromise strategy of the control.

